

Александр Володин

Похождения зубного врача

*Часть сборника
С любимыми не расставайтесь!
(сборник)*

Александр Володин
Похождения зубного врача

«ЭКСМО»

Володин А. М.

Похождения зубного врача / А. М. Володин — «Эксмо»,

ISBN 978-5-699-54962-7

«Райздрав помещался в белом доме, который возбуждал мысли о покое и выздоровлении или о несерьезной болезни, когда ты лежишь на белой постели и посматриваешь в окно. Чесноков оставил чемодан у секретарши и вошел в кабинет заведующего. Заведующий производил впечатление симпатичного, простого и способного человека. Он посмотрел доброжелательно, еще не зная, зачем тот пришел...»

ISBN 978-5-699-54962-7

© Володин А. М.

© Эксмо

Александр Володин

Похождения зубного врача

Райздрав помещался в белом доме, который возбуждал мысли о покое и выздоровлении или о несерьезной болезни, когда ты лежишь на белой постели и посматриваешь в окно.

Чесноков оставил чемодан у секретарши и вошел в кабинет заведующего.

Заведующий производил впечатление симпатичного, простого и способного человека.

Он посмотрел доброжелательно, еще не зная, зачем тот пришел.

– Здравствуйте, моя фамилия Чесноков.

Заведующий обрадовался:

– Наконец-то! Здравствуйте. Что с вами стряслось?

– Я задержался, – уклончиво ответил Чесноков.

На следующее утро Чесноков проснулся рано. Он нажал кнопку будильника, чтобы не звонил, поднялся и присел к окну.

На улице было солнечно и пусто.

Он достал плоскогубцы из чемодана, походил по комнате, нашел крепко вбитый гвоздь и быстро вытащил его. Положил этот гвоздь на стол, еще походил вдоль стен и вытащил из дверного косяка шуруп. И тоже положил на стол. Затем он вынул гвоздь из стула, но, так как стул после этого стал шататься, он теми же плоскогубцами вбил гвоздь обратно.

Он сунул плоскогубцы в карман, снова присел к окну и начал писать письмо.

«Здравствуй, Женья! Итак, я приехал. Через полчаса мне уже идти на работу, а я не могу...».

Он не стал дописывать письмо и начал одеваться, не спеша, как человек, знающий, что ничего хорошего его впереди не ждет.

Одевшись, он вышел на улицу и зашагал по ней, глядя то направо, то налево.

В нашем городе люди ходят по улицам медленней, чем в Москве, медленней, чем в Ростове, примерно так, как в Костроме или Кинешме. Третий век, не спеша, прошел по его улицам, и теперь здесь все о чем-нибудь напоминает. Здесь есть дома каменной кладки восемнадцатого столетия, есть улочки, особняки и парки, напоминающие о купечестве разных гильдий, о студенческих вечеринках, о декадентских стихах, здесь непременно когда-то жил и работал А.Н. Островский или А.П. Чехов – вот в этой беседке он любил сидеть. Город с бывшими торговыми рядами, с новыми стандартными домами, с бывшей главной площадью, которая начинается солидно, но сразу же катится вниз к реке, и с новой центральной площадью, которая просторней и пустыней, чем старая, и рассчитана на толпы новых поколений.

На городскую поликлинику Чесноков набрел неожиданно, оробел и повернул назад. Потом остановился, поглядел на нее словно бы от нечего делать, как посторонний.

Поликлиника находится у нас в старом особняке с двумя полногрудыми девами, которые, кажется, специально высунулись из стены, чтобы внушать посетителям уважение к здоровью.

Чесноков зашел внутрь, на всякий случай держась так, будто попал сюда случайно. В коридоре он миновал немногочисленных больных, которые сидели в ожидании у разных кабинетов, и остановился перед кабинетом зубного врача.

Дверь была отворена. У зубоврачебного кресла стоял приземистый пожилой человек, похожий на такелажника с гуманитарным образованием. Он весь был словно сплюснут сверху, чтобы таскать тяжести, а глаза смотрели ясно и умно. Голос у него был приспособлен, чтобы орать с палубы на пристань, но он говорил тихо.

– Потерпите, – сказал врач и включил бормашину. Чесноков, страдая за больного, поморщился. Отпуская своего пациента, врач заметил Чеснокова, обрадовался и вышел в коридор.

– Здравствуйте, – сказал он радушно. – Заходите.

– Я? – испугался Чесноков.

Врач рассмеялся, протянул руку и представился:

– Рубахин.

Чесноков пожал протянутую руку и сказал:

– Вы, наверно, ошибаетесь...

– Нет, я не ошибаюсь, – засмеялся Рубахин. – Привыкайте к тому, что в нашем городе все всем известно.

Он продолжал посмеиваться удивлению Чеснокова, тот тоже вежливо посмеялся в ответ и вошел в кабинет. Здесь стояло еще одно кресло, около него, так же как и возле первого, – бормашина, стеклянный шкаф и столик.

– Вот это ваше рабочее место, вот это ваш инструмент, халат, а вот это ваша тетрадь для записей. Акклиматизируйтесь и приступайте.

– Приступим, – вяло согласился Чесноков и надел халат.

Рубахин открыл дверь и пригласил больных.

– Прошу вас. Два человека.

В кабинет вошли рослый мужчина и решительный мальчик, которого мама в двери погладила по голове.

Мальчика Рубахин поманил к своему креслу. Мальчик сел, но сразу же крепко стиснул зубы, с тем чтобы ни в коем случае их не разжимать.

Мужчина, стараясь не нарушать покой и порядок кабинета, уселся в кресло Чеснокова. Лицо его приняло достойное выражение, словно он собирался фотографироваться.

– Так, – сказал Чесноков и опустил кресло. Затем он повернул лампу, снова приподнял кресло и еще поправил свет.

Чтобы не смущать его, Рубахин отвернулся и занялся мальчиком.

Новый врач вел себя странно. Он словно бы только и думал, как оттянуть время. Помыл и вытер руки, подошел к шкафу, приоткрыл и закрыл его и вернулся к пациенту.

– Так, прошу вас... Ясно, надо удалять. Разрешите, я проверю остальные... Очень хорошие зубы. А этот – да, этот придется удалить.

– Только знаете, доктор, – сказал пациент, – мне не надо замораживать, я не люблю.

– Как не надо? – смешался Чесноков и пошел снова мыть руки. – Всегда лучше обезболить.

Но пациент стоял на своем.

– Лучше уж я сейчас потерплю, зато потом сразу пройдет.

– Раз больной просит сам, – вмешался Рубахин, – можно и не обезболить, тем лучше...

Он подошел к Чеснокову, слегка подтолкнул его к столику.

Чесноков взял щипцы.

– Ну и правильно, и чего же тут думать! – ободрил Рубахин и повернул его к креслу.

– Виноват, минутку, – сказал Чесноков и хотел снова отойти, но Рубахин придержал его сзади и не пустил.

– Чего уж там, – сказал он, – давайте мы его пока удалим, а потом уж...

Вот тогда это и произошло. Чесноков наклонился к больному и выпрямился в странном изнеможении, держа в щипцах удаленный зуб.

Больной, не закрывая рта, недоверчиво косился на него.

– Все, – сказал Чесноков.

– Уже? – спросил больной.

– Уже.

– Ха!..

– Что?

– А я и не почувствовал.

– Ну уж не говорите, – не поверил Чесноков.

– Нет, я, знаете, вообще ничего не почувствовал, – все больше удивлялся больной. – Очень удачно, очень.

– Вот и все в порядке, – сказал Рубахин.

Больной поднялся и вышел из кабинета, посмеиваясь и крутя головой. Чесноков нагнал его и спросил еще раз:

– Нет, вы действительно ничего не почувствовали? Я интересуюсь, потому что это очень странно, этого не может быть.

– Медицина! – сказал больной и, обращаясь к очереди, посоветовал: – Главное, это не надо обезболивать. Раз! И готово.

Чесноков вместе с ним вышел на улицу. Здесь он сердечно пожал больному руку и стоял, глядя ему вслед, и халат его развевался на ветру.

Из двери выбежал Рубахин:

– Сергей Петрович, вас ждут!

Когда они вернулись в кабинет, в кресле Чеснокова уже сидела женщина.

– Я сейчас, мальчик, подожди еще немножко, – сказал Рубахин своему пациенту и на всякий случай опять занял место за спиной Чеснокова.

– Тогда уж мне тоже не надо делать укола, – попросила женщина. – А то я укола боюсь.

Чесноков опять упал духом и взглянул на Рубахина.

– Может быть, все-таки лучше обезболим? – сказал Рубахин.

– А впрочем, – перебил его Чесноков и взял со столика щипцы.

Он сосредоточился и на минуту стал равнодушен ко всему на свете, кроме сидевшей перед ним женщины. Лицо его было спокойно, и только глаза возбуждены и даже, казалось, веселы. Он наклонил голову, сделал незаметное движение и сказал:

– Все.

– А зуб? – спросила женщина.

– Вот он.

– Что же я мучилась! – воскликнула она.

– Следующий, – волнуясь, позвал Чесноков.

– Видал? – сказал Рубахин своему мальчику, который сидел, по-прежнему стиснув зубы. Мальчик покачал головой.

– Что же, я так и буду стоять над тобой целый день?

Мальчик молчал.

Следующим пациентом Чеснокова был я. Мою первую встречу с ним я запомнил навсегда. Он стоял над креслом, в котором я сидел с разинутым ртом.

– Все, можете идти, – сказал он мне.

Я не сразу понял его.

– Как, уже?

– Следующий, – сказал Чесноков.

Он уже не смотрел на меня. Он не совсем понимал, что происходит, но сердце у него колотилось медленно и весело.

Мне надо было уйти, чтобы не мешать ему, а я не мог.

Я остановился в дверях и смотрел.

В кресло усаживался следующий, а Чесноков подошел тем временем к мальчику, который, стиснув зубы, сидел перед Рубахиным, и сказал:

– Ну-ка!

Мальчик поспешно открыл рот.

Чесноков наклонился, одновременно прихватив со столика щипцы, и через мгновение сказал:

– Иди к маме.

Рубахин смотрел на него молча. Он немного испугался. Но затем преодолел свою робость, вздохнул и обнял Чеснокова.

Вечером он вел Чеснокова по городу, знакомя с ним всех, кого считал того достойным. Едва ли не первым Рубахин познакомил с ним меня.

– Это наш учитель. А это наш новый зубной врач, новое пополнение. А какой это врач – скажу лишь одно: я за свою практику такого еще не видел.

– Бросьте вы! – отбивался Чесноков.

– А что он может мне сказать нового, – и я показал Рубахину то место, где прежде был зуб, – когда я сам свидетель! Жаль, что я не сохранил этот зуб на память.

– Что, совсем не было больно, в буквальном смысле слова? – недоверчиво спросил Чесноков.

– Абсолютно.

Чесноков засмеялся. Он был в том настроении, какое наступает после долгого уныния. Все страхи и беды вдруг остались позади, судьба повернулась – и как! В эту минуту ему нравилось все, ему казалось, что и он симпатичен всем. После долгого молчания, когда ни с кем нельзя было поделиться, ему хотелось рассказывать о том, что его мучило прежде. Теперь уже нечего было стыдиться, напротив: чем хуже было прежде, тем удивительнее казалось то, что произошло с ним сейчас...

– Если бы вы знали, в каком жутком настроении я сюда ехал! Теперь я могу рассказать. Я вообще впечатлительный человек, а в училище на выпускном зачете со мной произошел убийственный случай: я сломал человеку зуб, и преподаватель у меня на глазах вынужден был выдалбливать корень!

– А вот и Ласточкина, – обрадовался Рубахин. – Познакомьтесь.

Ласточкина – тоже наш зубной врач – полная, крепенькая женщина из резиновых округлостей, в меру надутых изнутри. Вид у нее оживленный и задорный, и мягко вздернутый нос, и ямочки на щеках, и очень блестящие черные глаза. Она любит похохотать, все время клубится папиросным дымом – активная, целеустремленная, оживленная. Ее хватает и на кокетство с мужчинами, и на работу в поликлинике, и на исполнение многих общественных обязанностей, и на неофициальную практику дома – она принимает больных по рекомендациям.

– Вот теперь наш коллектив в полном составе, – сказал Рубахин.

Но, видимо, начатая история волновала Чеснокова, он сказал, обращаясь к Ласточкиной:

– Я тут рассказываю, как я сломал корень. Это была молоденькая девушка, я ее знал. Она стеснялась плакать. По щекам катились слезы, но она молчала... Скажете – случай, надо бы забыть, а впредь работать осторожней. А я не мог этого забыть! Я стал бояться подходить к зубоврачебному креслу, я стал бояться, что причиню кому-то боль, я вообще не мог больше смотреть, как удаляют зубы!..

Этот человек был чем-то необыкновенно привлекателен для меня. Поэтому, увидев дочь, которая шла, помахивая портфелем, из техникума, я позвал ее:

– Маша, пойдем-ка с нами.

Она подошла.

– Вот с кем вы должны познакомиться, – сказал Рубахин Чеснокову. – Это Маша, она сочиняет песни, сама придумывает слова, сама придумывает музыку, сама себе аккомпанирует и поет. А это наш новый зубной врач, который...

– Я знаю, мне папа говорил. Я соберусь с духом, тоже как-нибудь к вам приду.

– Буду счастлив, – сказал Чесноков. – Я тут вспоминал, как я получал диплом... Получаю диплом и направление, но понимаю, что не могу работать! Сегодня утром я не хотел идти на работу!.. Нет, это действительно чудо, я просто не могу это расценить иначе.

Вечером у нас все ходят по береговой аллее. Под руку, не спеша, одни в одну сторону, другие – в другую. Здесь городские новости утверждаются, опровергаются и обретают свой истинный вес.

В этот вечер движение то и дело нарушалось. Дневные пациенты излагали свои впечатления о новом враче. Вокруг каждого концентрировались слушатели, переходя от одного очевидца к другому.

Рассказывал первый пациент Чеснокова, разъяренная женщина, которая боится уколов, а мальчик – его специально привел сюда папа – показывал всем желающим дырку во рту.

Дочь моя стояла в студенческой компании, прислонясь к бревенчатым перилам, и напевала под гитару свою новую песенку про зубного врача.

(Какие песни поет моя дочь?
Как я могу это объяснить...
Если бы их пела незнакомая девушка
Или незнакомая женщина в незнакомой компании,
Я бы слушал и слушал,
Я бы вспоминал свою жизнь,
Еще одна строчка – еще одно воспоминание,
И все они говорят: живи! живи!
И постарайся быть счастливым,
Потому что другой жизни
Не будет!..)

Скоро Чеснокова знал весь город. Когда он шел по главной улице, с ним здоровался чуть ли не каждый встречный. Девушки, пройдя мимо, оглядывались на него. Пожилые горожане уважительно приподнимали кепки. И он торопился ответить на все приветствия, опасаясь кого-нибудь обидеть невниманием.

Эта неожиданная слава волновала его и поражала каждый день заново. Он стал веселым, открытым, счастливым человеком. Если он проходил мимо Дома культуры, его останавливали и уговаривали зайти. Его усаживали поблизости от сцены, и соседи по ряду привставали, улыбались и здоровались с ним. Он присутствовал на третьих турах городской и сельской самодеятельности. Ему уже случалось сидеть в президиумах во время торжественных собраний.

Он полюбил ходить в гости, на вечеринки. Кто-нибудь непременно провозглашал тост за него, а он смущался и возражал, но тоже чокался и выпивал свою рюмку. Как многие счастливые люди, он стал невнимательным. Он и не заметил, как Рубахин решил покинуть этот город.

Рубахин шел, засунув руки в карманы пиджака и глядя перед собой на тротуар, чтобы ни с кем не здороваться и не разговаривать.

Маша все же остановила его.

– Яков Васильевич, это правда, что вы от нас уезжаете? – Она спросила это весело, потому что переезды и даже вести о чьих-то переездах с детства нас увлекают.

Рубахину не хотелось объясняться, и он ответил:

– Уезжаю.

– Что же это так! Жили-жили – и вдруг...

– Вот так, – развел руками Рубахин. – Складываются обстоятельства.

– Когда же вы едете, мы хоть вас проводим!

– Еще не знаю, билета нет. Но я вам сообщу... – Приподняв кепку, Рубахин снова сунул руки в карманы пиджака и зашагал дальше.

Он поднялся на крыльцо, постучал в дверь и в ожидании стоял, глядя на свои ботинки.

– Кто? – спросил голос Чеснокова.

– Я, – отозвался Рубахин.

Чесноков открыл, обрадовался и даже обнял его. Рубахин быстро закивал головой, похлопал Чеснокова по спине и прошел в комнату.

– Посоветуйте мне, что делать, – говорил Чесноков, прибираясь в комнате. – Я обалдел от знакомых, полузнакомых и малознакомых людей! То и дело я их путаю: сегодня спрашиваю одного, как дела с квартирой, а это, оказывается, не тот, у которого квартира, а тот, у которого близнецы...

Чесноков засмеялся, но Рубахин укорил его:

– Вас любят, это естественно, этим надо дорожить.

– Нет, я дорожу! Но я просто не привык... Когда говорят в глаза комплименты, я не знаю, что делать. Молчать и ухмыляться?

– Не мешало бы вам жениться, – сказал Рубахин.

Он испытывал неловкость, касаясь деликатного вопроса, но все же сказал, потому что это было нужно:

– И надо подать заявление на квартиру. Раз вы не подаете, значит, вам не нужно. Напишите сейчас. Я посижу, а вы напишите. Вот вам ручка, вот у вас бумага. Сверху – кому: председателю горисполкома.

– Это правда, что вы уезжаете? – спросил вдруг Чесноков.

– Разве я вам не говорил? – удивился Рубахин. – Пишите, пишите.

– Пишу. Зачем вы уезжаете? Неужели в Кинешме настолько лучше условия, чем у нас?

– Лучше, – сказал Рубахин. – Ну что там у вас? Предоставить мне...

Утром обнаружилось, что Рубахин не явился на работу.

Крутя в пальцах и покусывая папироску, в кабинет вошла Ласточкина.

– Ну вот, Рубахин уехал, – сказала она, не глядя на Чеснокова. – Уехал ночью, никому ни слова не сказал. Сорок лет жил в городе! Довели старика...

– Кто довел? Что случилось? – Чесноков растерялся.

– А вам и невдомек? Прелестно.

– Я не понимаю, даю вам честное слово. Я просто думал, что ему действительно так удобней. Почему я должен был ему не верить!

– Значит, все в порядке? – издевательски улыбнулась Ласточкина. – Да вы мудрец.

– В чем дело? – бледнея, официально спросил Чесноков.

– Действительно, почему-то удобно совершить подлость и неудобно сказать об этом в лицо, – усмехнулась Ласточкина. – Давайте-ка лучше начинать прием.

Она выглянула в коридор – там вдоль стены уже сидели больные, в основном, как бывает по утрам, женщины.

– Чья очередь? – спросила она.

– А я к доктору Чеснокову, – быстро сказала молодая женщина.

– Кто следующий?

Мужчина, потрепанный бессонной ночью, смущаясь, сказал:

– У меня, собственно, тоже договоренность.

Взглянув на женщину, которая сидела, держась за щеку и отвернувшись, словно не слышит, Ласточкина вернулась в кабинет, уселась в свое зубоврачебное кресло и достала книгу.

Чесноков стоял у шкафа, к которому подошел, видимо, чтобы достать инструмент. Но он забыл об этом и просто стоял.

– Там очередь, надо что-то предпринять, – сказала Ласточкина.

– Да-да, – заторопился Чесноков. – А у меня, как назло, какая-то трясушка, наверно, заболеваю...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.